

М. С.-Г. Албогачиева

ИЗ ИСТОРИИ СОБИРАНИЯ КОЛЛЕКЦИЙ ПО ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ ИНГУШСКОГО НАРОДА

Музейный предмет — основа любой музейной коллекции. Это движимый объект, изъятый из первоначальной среды в связи с его подлинностью (аутентичностью) и способностью характеризовать специфические особенности той среды и той эпохи, во взаимосвязи с которой он находился в естественных условиях [Мастеница 2007: 69].

В фондах и на экспозиции он приобретает новые связи с другими предметами, подобными ему или отличными от него. Тем самым он включается в определенный исторический контекст, позволяющий реконструировать прошлое народа. Коллекции, характеризующие материальную и духовную культуру ингушского народа, представлены в музейных собраниях не в должной мере в силу различных объективных и субъективных причин. Это касается не только коллекционных предметов в музеях за пределами Республики Ингушетия, но и в музеях республики. Причинно-следственную связь этой ситуации можно проследить, совершив исторический экскурс.

Музейное дело на Северном Кавказе зародилось в 1897 г. с открытием в столице Терской области Владикавказе Терского областного музея, в котором в основном хранились разрозненные материалы из случайных сборов. Единственной ингушской коллекцией, хранившейся целиком, можно считать лишь 322 предмета из раскопок Ф.С. Панкратова у с. Алхасты Горной Ингушетии в 1913 г. [Захаров 1935: 129]. В музее также были представлены достопримечательности Мага-Ерды¹: древко от знамени, кубки, черный камень, книга и предметы из погребений близ эльгица, собранные секретарем Терского областного статистического комитета Г.А. Вертеповым, а также фотография эльгица. Все это было выставлено в особой витрине Терского областного музея [Горепекин 1909].

¹ На высокой горе Мага-Те близ селения Салги находится могила святого Маго — эльгица в виде домика, обнесенного оградой из камня. Достопримечательностями эльгица были особое знамя, черный камень с пятью ямочками для испытания на зрелость мальчиков-подростков и святая книга Маго.

После революции, в 1918 г., музей перешел в ведение Комиссариата народного просвещения и назывался Домом науки и краеведения. В мае 1920 г. на базе музея с широким привлечением научных сил был создан Северо-Кавказский институт краеведения, а сам он стал именоваться Государственным научным музеем г. Владикавказа и подчинялся музейному отделу Главнауки. С момента создания и до января 1928 г. этот музей был одновременно музеем двух автономных областей — Ингушской и Осетинской.

После реорганизации Северо-Кавказского института краеведения 5 января 1928 г. фонды научного музея были разделены: одна часть была передана Ингушскому НИИ, другая — Осетинскому НИИ, третью часть институт увез в Ростов, где был создан Краевой Музей горских народов Северного Кавказа.

Музей Северо-Кавказских народов был образован в Ростове на основании приказа малого президиума Северо-Кавказского краевого исполкома № 581 от 7 мая 1926 г. По положению Краевой музей горских народов Северного Кавказа являлся научно-исследовательским учреждением, ставившим своей целью изучение исторического прошлого, быта, социальной культуры, демографии, экономики горских народов региона. В соответствии с целью основными задачами музея объявлялись сбор, хранение, исследование, систематизация и экспонирование коллекций научного характера, ведение просветительской и популяризаторской работы.

Для осуществления указанных задач музей имел право пополнять свои коллекции за счет сбора, покупки и дарения музейных материалов, производить обмен и передачу в другие музеи и учреждения дублетов и материалов, не соответствующих задачам музея.

Краевой музей горских народов Северного Кавказа находился в общем ведении музейного отдела Наркомпроса РСФСР как своего директивного органа, непосредственно подчинялся в административном, финансовом и методологическом отношениях Северо-Кавказскому краевому Отделу народного образования. Постановлением президиума Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета от 7 октября 1931 г. ему было присвоено имя большевика Муссы Кундухова. В 1936 г. экспонаты музея были переданы краеведческому музею им. Праве в г. Ворошиловске (г. Ставрополь), где они находятся и в настоящее время [<http://fonds.stavarhiv.ru/index>]. С 2005 г. краеведческий музей преобразован в Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве [<http://www.stavmuseum.ru/history>].

После разделения музея на три части в Ингушском музее остались в основном ингушские коллекции, не переданные в Ростов. Музей стал выполнять огромную научно-просветительскую работу. В его стенах проходили выставки, выпускались путеводители, привлекались к работе практиканты в целях создания новых кадров музейных работников. Народный комиссариат просвещения СССР в первой половине 1930-х годов отмечал высокий профессионализм сотрудников Ингушского музея краеведения и постоянную работу по патриотическому воспитанию трудящихся. В 1932 г. Ингушский музей краеведения возглавил Х-Б. Ахриев — первый профессиональный ингушский художник. Под его руководством музей стал ведущим центром, в котором сконцентрировалась основная научно-исследовательская деятельность республики.

Ингушский музей краеведения, за исключением коллекций естественно-исторического отдела, или отдела природы края, полученных от Терского областного музея, состоял из новых поступлений — материалов, которые из года в год собирали его сотрудники в области. Археологический и этнографический материал датировался периодом не ранее IX в. [Крупнов 1936: 108].

После объединения в 1934 г. Ингушской и Чеченской автономных областей Ингушский музей как самостоятельная единица еще функционировал. Ингушский областной музей краеведения в г. Орджоникидзе стал именоваться Ингушским районным музеем Пригородного района. Данные по археолого-этнографическим фондам музея были крайне скудными, отрывочными и противоречивыми. Так, по одним сведениям, из Государственного исторического музея в 1938 г. в Ингушский музей поступил 71 предмет (оружие, бытовая утварь, фотодокументы), по другим — 77 предметов. При описании процесса ликвидации музея в 1939 г. в одном случае указывалось на более чем 4 тыс. экспонатов, в другом — около 5 тыс. [Бурков 2007: 80].

С 1935 г. и до начала Великой Отечественной войны на территории Чечено-Ингушетии работала Северокавказская археологическая экспедиция Государственного исторического музея и Института археологии Академии наук СССР под руководством Е.И. Крупнова. Уникальные коллекции предметов материальной культуры, собранные ими, дополнили собрания федеральных и региональных музеев. Так, по сообщениям Е.И. Крупнова, в 1938 г. экспедицией ГИМ в надземном двухскатном склепе близ с. Хамхи в Горной Ингушетии были найдены иранские шелковые ткани (кусочек ткани и мешочек), датируемые XV–XVI вв. [Крупнов 1971: 21].

Несмотря на административные преобразования, Чечено-Ингушский областной (республиканский) и Ингушский районный музей до 1940 г. продолжали существовать раздельно. Основные фонды последнего на тот период составляли более 4000 экспонатов [Пономарева 1975: 15]. После их передачи в Чечено-Ингушский объединенный музей краеведения в г. Грозный (1940) становление музейного дела в Ингушетии приостанавливалось [Бурков 2007: 82].

В период Великой Отечественной войны и последовавшей за ней депортации ингушей и чеченцев вопросы формирования археолого-этнографических фондов не представлялись актуальными. Вместе с тем работа по сбору музейных коллекций продолжалась. С 1947 г. музеем проводились самостоятельные экспедиции по обследованию природных богатств и сбору коллекций.

В материалах к VII международному конгрессу по этнографическим наукам «Этнографические коллекции в музеях СССР», изданных в 1964 г., сообщается, что в Чечено-Ингушском республиканском краеведческом музее хранится около 800 предметов по этнографии чеченцев, ингушей, русских, ногайцев. Там же отмечалось, что начало сбора было положено в середине 1920-х годов археологической и этнографической экспедицией под руководством археолога и этнографа Л.П. Семенова, работавшего в горных районах Ингушетии, преимущественно в селениях Евлой, Кок, Эгикал, Фуртог, Таргим и др. В составе собраний были орудия труда шерстяного промысла, мужская и женская одежда, предметы домашнего быта (светильники, посуда, ковры и пр.). Уникальное значение имели предметы культа — деревянное изображение богини плодородия Тушоли и фаллический памятник языческого периода из с. Кок [Этнографические коллекции 1964: 50].

После реабилитации и возвращения ингушей и чеченцев на родину музей стал принимать участие в работе археологической экспедиции, несколько лет проводил самостоятельные историко-бытовые экспедиции по сбору этнографического материала. Это позволило в 1972 г. создать специальную выставку «Хозяйственная и бытовая утварь народов Чечено-Ингушетии конца XIX — начала XX в.» [Пономарева 1975: 17].

Фонды Чечено-Ингушского музея постоянно пополнялись: если в 1946 г. они насчитывали 3,5 тыс. единиц хранения, то в 1975 г. — более 80 тыс., а к 1990-м годам этот музей был одним из крупнейших на Северном Кавказе и насчитывал в своих фондах около 230 тыс. единиц хранения, в числе которых было более 33 тыс. уникальных предметов древности, собранных при раскопках на территории Чечни и Ингушетии [Эльбуздукаева 2012: 328].

После распада Чечено-Ингушетии на два самостоятельных административно-политических субъекта начались первые потери музейных ценностей. «Еще летом 1992 г. в результате разбойного нападения на краеведческий музей было похищено 1657 единиц фондового хранения» [Эльбуздукаева 2012: 328]. Еще более ужасное разорение музейных коллекций произошло после военных кампаний в Чечне 1994–1996 гг. Труд не одного поколения исследователей, музейщиков, по крупицам собиравших ценный и уникальный материал по истории, экономике, культуре, природе края, бережно хранимый в музее, оказался в самом начале военной кампании в Чечне под руинами г. Грозного. Интенсивными бомбардировками и артобстрелами было разрушено здание головного музея — историко-архитектурный памятник начала XX в., под его обломками погибли все экспозиции, подавляющая часть музейных фондов. В результате этого музей лишился наиболее значимых с исторической, этнокультурной, искусствоведческой точек зрения предметов, культурно-исторических ценностей [Асталов 2006: 11]. Ущерб, нанесенный войной историко-культурному наследию, и бесконтрольная торговля культурными ценностями стали национальным бедствием не только для чеченцев, но и для ингушей, так как после восстановления Чеченской республики ингушские коллекции не были возвращены и ныне находятся в Национальном музее Чеченской республики. Вопрос об их возвращении остается дискуссионным.

В настоящее время в Республике Ингушетия функционируют Ингушский государственный музей краеведения им. Т.Х. Мальсагова (рис. 1) и его филиалы — Музей им. Г.К. Орджоникидзе, Мемориальный дом-музей Г.С. Ахриева, Музей боевой и трудовой славы г. Малгобека, Государственный музей изобразительных искусств, Мемориальный комплекс жертвам репрессий, Музей Министерства внутренних дел Ингушетии. Большая их часть — новые музеи.

Музей боевой и трудовой славы Назрановского района был основан в 1972 г. Туганом Хаджимоховичем Мальсаговым как народный музей, в 1978–1991 гг. стал филиалом Чечено-Ингушского краеведческого музея, находившегося в г. Грозном. В связи с изменениями в государственном обустройстве РФ (а именно ликвидацией ЧИАССР и созданием Республики Ингушетия и Чеченской республики) музей стал структурной единицей Министерства культуры Ингушской республики. В Музее краеведения действуют пять небольших экспозиционных залов: зал Великой Отечественной войны, зал героев, зал этнографии, зал археологии и зал духовных лидеров Ингушетии.

Рис. 1. Ингушский государственный музей краеведения им. Т.Х. Мальсагова.
Фото М.З. Сагова, 2015 г.

Рис. 2. Государственный музей изобразительных искусств. Назрановский район,
г. Карабулак. Фото Б.М. Коригова, 2013 г.

Рис. 3. Мемориальный комплекс жертвам репрессий.
Назрановский район, с. Насыр-Корт. Фото А.С. Дозариева, 2011 г.

Коллектив музея проводит большую собирательскую работу по выявлению и систематизации материалов и документов по культуре и истории края, об участниках Великой Отечественной войны. Сотрудниками музея осуществляется широкая научно-исследовательская и просветительская деятельность.

Будучи головным музеем республики, музей имеет три филиала: Музей боевой и трудовой славы в городе воинской славы Малгобеке, Мемориальный музей им. Г. Ахриева в поселении Фуртоуг Джейрахского района и Мемориальный музей им. С. Орджоникидзе в поселении Мужичи Сунженского района [Ялхароева 2012: 3].

Филиал ИГМК им. Т.Х. Мальсагова «Музей боевой и трудовой славы г. Малгобека» был основан в 1983 г., с 1984 г. — филиал Чечено-Ингушского государственного краеведческого музея. В настоящее время фонд музея содержит более 15 200 единиц хранения, многие из которых являются уникальными. Среди них есть и предметы быта солдат, и документы защитников Кавказа. В отдельную коллекцию собраны материалы об истории г. Малгобека и о знаменитых малгобекцах. Рядом с музеем расположены братские могилы защитников Малгобека.

Музей им. Г.К. Орджоникидзе основан в 1940 г. как первый филиал Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея. Музей располагался в частном доме жителя села Мужичи Хакиева Магомедом. В период Гражданской войны в этом доме жил Серго Орджоникидзе. В начале 1990-х годов головным музеем Мужиченский филиал был ликвидирован. Летом 1993 г., сразу после учреждения органов власти вновь созданной Республики Ингушетии, Мужиченский музей был воссоздан как филиал Ингушского государственного музея краеведения им. Т.Х. Мальсагова. В настоящее время фонд музея содержит более 600 единиц хранения, многие из которых уникальны. Среди них предметы и документы из дома-усадыбы Г.К. Орджоникидзе, материалы об истории с. Мужичи, некоторые предметы из могильника Лугового, раскопанные археологом Е.И. Крупновым.

Филиал ИГМК им. Т.Х. Мальсагова «Мемориальный дом-музей Г.С. Ахриева» основан в 1981 г. Несмотря на отсутствие официального статуса музея, дом Г.С. Ахриева посещали жители и гости республики, интересовавшиеся историей революционных событий и Гражданской войны на Кавказе. В 1967 г. перед въездом на территорию дома Г.С. Ахриева был установлен памятник патриоту и пламенному борцу за новую жизнь, сподвижнику Г.К. Орджоникидзе Гапуру Ахриеву.

Музей ведет активную культурно-просветительскую, экспозиционную, образовательную, воспитательную и пропагандистскую работу с молодежью и является одним из главных культурных учреждений Джейрахского района Республики Ингушетии. В музее собраны материалы о знаменитых жителях с. Фуртоуг из рода Ахриевых. Также представлены предметы быта, фотографии, краткие справки об участниках Великой Отечественной войны и список участников Великой Отечественной войны из Джейрахского района.

Государственный музей изобразительных искусств Республики Ингушетии был основан в 1993 г. Начало музейному собранию положили произведения, переданные Сунженской администрацией из картинной галереи районного Дома культуры, а также графические работы, подаренные музейно-выставочным центром «Росизо». Постепенно фонды пополнялись произведениями ингушских, чеченских и русских художников, мастеров декоративно-прикладного искусства.

Выставочная работа была и остается приоритетной в научно-просветительской деятельности музея. За весь период его существования было организовано более 300 передвижных и стационарных выставок, посвященных творчеству ингушских живописцев и самодеятельных народных мастеров. Современные экспозиции, созданные коллективом музея, отличаются высоким профессиональным уровнем. Благодаря активной деятельности сотрудников музея широкое распространение получили выездные выставки. Они со-

стоялись в таких городах, как Москва, Санкт-Петербург, Уфа, Новороссийск, Краснодар.

Нынешнее собрание произведений Государственного музея изобразительных искусств насчитывает более 400 единиц хранения и делится на несколько разделов: живопись, графика, декоративно-прикладное искусство и скульптура. Музей уделяет особое внимание научно-исследовательской деятельности, в частности глубокому и всестороннему изучению наследия первых ингушских художников, а также современных мастеров республики. В результате этой работы были выпущены каталоги, буклеты к основным выставкам, проведенным в стенах музея, написаны и опубликованы статьи о творчестве известных живописцев, выпущены биографические справочники «Художники Ингушетии», «Творчество женщин Ингушетии» [Алмазова 2007: 46–47]. Тематика демонстрируемых произведений в значительной степени связана с историей ингушского народа, его традициями.

Мемориальный комплекс жертвам репрессий основан в феврале 1997 г. В экспозициях представлены фотодокументы, материалы, картины, предметы быта, свидетельствующие о репрессиях в СССР в 1940–1950-е годы и о событиях осетино-ингушского конфликта 1992 г. Сотрудниками музея ведется работа по выявлению документов и материалов о жертвах репрессий, организовываются передвижные и стационарные выставки, существуют постоянные тематические экспозиции: «1944 год. Так это было», «Репрессированные народы», «Памяти трагических событий 1992 года», «Ингушская диаспора в Турции». На экспозициях представлены фотодокументы, картины, предметы быта. Музей насчитывает насчитывается более 5 тысяч единиц письменных источников, фотографий, книг и т.д.

Музей Министерства внутренних дел Ингушетии был основан в 2002 г. Инициатором его открытия стал заслуженный деятель искусств Ингушетии, кавалер ордена «За заслуги» Бек Абадиев. Им были собраны уникальные материалы о сотрудниках милиции начиная с 1884 г. — со дня создания в крае иррегулярной милиции. В музее нашла свое отражение история жизни и службы генералов царской армии, полных Георгиевских кавалеров: Эльберда Нальгиева, Бунуха Базоркина, Асламбека Маматиева, Сосламбека Бекбузарова, Саварбека Мальсагова, представителей многих ингушских фамилий — конников знаменитой «Дикой дивизии», принимавших участие в Первой мировой войне. В музее хранятся мундир старейшего милиционера Магомеда Ханиева 1950-х годов, материалы по истории жизни градоначальника города Баку Гуды Гудиева, собраны личные дела, фотографии, предметы героев, отдавших жизнь, выполняя свой профессиональный долг, книги о них.

На стендах музея представлены фотографии около 500 погибших сотрудников правоохранительных органов, стоявших на страже общественного порядка и стабильности и навсегда оставшихся в памяти народа благодаря личному мужеству, доблести и отваге [Албогачиева, Плиева 2013: 416].

Коллекции, которые удалось собрать музейным работникам Ингушетии за весь период существования республики, сравнительно новые, раритетов очень мало или нет совсем. В значительной мере это связано с тем существенным уроном, который был нанесен материальной культуре ингушского народа и других ссыльных народов в период депортации.

Нешадно разграбленная, уничтоженная или умышленно замалчивавшаяся из конъюнктурных политических соображений материальная культура ингушей была потеряна безвозвратно. В.А. Шнирельман отмечает, что «в советские годы в краеведческом музее Ставрополя вещи, связанные с культурами репрессированных северокавказских народов, либо не попадали в экспозицию, либо оставались этнически неатрибутированными — сопровождавшие их надписи отсылали посетителя к обезличенной “культуре горцев Северного Кавказа”. Горцы представлялись экзотическими чужаками, место которым было лишь в памяти, но не в реальной жизни» [Шнирельман 2010: 17]. Депортированные народы были обречены на вымирание, поэтому сохранение исторической и культурной памяти о них не входило в планы государства. Из-за этого происходило планомерное уничтожение памятников материальной культуры указанных народов, «переписывание» их на те нации и народности, которые считались достойными продолжателями светлого социалистического будущего. И хотя сегодня все кажется в прошлом, отголоски этого периода истории еще очень ощутимы. В силу данных обстоятельств ингушская интеллигенция проявляет повышенный интерес к своему историко-культурному своеобразию, представляя его выражением своей особой этнической идентичности. Поэтому автор настоящей статьи поставила перед собой цель выявить предметы, касающиеся ингушей и Ингушетии, хранящиеся в фондохранилищах музеев страны за пределами Республики Ингушетии.

В силу различных объективных и субъективных причин автору не удалось собрать достаточное количество материала по ингушским коллекциям из фондохранилищ федеральных и региональных музеев, но работа в этом направлении ведется. Автору удалось продвинуться в поисковой работе в таких музеях Санкт-Петербурга, как Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого, Российский этнографический музей, Музей истории и религии, Государственный Эрмитаж, в которых выявлены коллекции, связанные с историей и этнографией Ингушетии и ингушей.

Наиболее полную справку удалось составить по фондам Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры), Российского этнографического музея, Музея истории религии.

Ингушские коллекции имеются в первом музее России, учрежденном императором Петром Первым. Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской академии наук (МАЭ РАН) — один из крупнейших и старейших этнографических музеев мира, коллекционные фонды которого насчитывают свыше 1,2 млн единиц хранения. Он является преемником первого российского государственного публичного музея, знаменитой Петровской Кунсткамеры, основанной в 1714 г. Музей с самого начала был не только научной базой Академии наук, но и важнейшим культурным и просветительским учреждением [Кунсткамера 2009: 13].

В МАЭ первые иллюстративные коллекции по ингушам появились во второй половине XIX в. и представлены в коллекции главного редактора Кавказского статистического комитета Николая Карловича Зейдлица. Современные фотографии сделаны Ю.Ю. Карповым и автором статьи.

Первые вещевые коллекции были привезены в музей автором статьи после 2000 г. Среди экспонатов есть предметы, приобретенные в дар и купленные в период экспедиционных поездок в Ингушетию.

Первая коллекция была привезена в 2002 г. из с. Гамурзиево Назрановского района Ингушетии. Комплект свадебной одежды сшит профессиональной портнихой Ужаховой Раисой Хаджибикаровой в 1994 г.

№ 7260-1. Платье свадебное, верхнее, распашное, покроя черкески (*чокхи*), из однотонного шелка, украшено тесьмой и стразами золотистого цвета. Крой платья состоит из лифа, зауженного к талии, и расклешенной юбки. Спинка отрезная, приталенная, юбка состоит из четырех расклешенных клиньев. Рукава расширяются книзу, внутренняя часть длинных рукавов имеет продольный разрез от подмышек до кистей рук, края украшены тесьмой и стразами золотистого цвета.

№ 7260-2. Платье свадебное нижнее, из белого шелка, отрезное по талии. Воротника нет, вырез круглый, украшенный белой тесьмой с золотистыми нитями, сзади имеется застежка. Рукава прямые, чуть суженные книзу, без манжет, украшенные той же тесьмой.

№ 7260-3а. Белые капроновые перчатки, украшенные золотистой зигзагообразной машинной строчкой.

№ 7260-3б. Белые капроновые перчатки, украшенные золотистой зигзагообразной машинной строчкой.

№ 7260-4. Белая фата с украшениями в виде цветков из гипюра. Край обработан зигзагообразной машинной строчкой.

№ 7260-5. Платье белое с украшениями в виде цветков из гипюра. Края обработаны декоративной строчкой.

№ 7260-6. Платье белое, прямое, без украшений и воротника, отрезное по талии. Юбка в виде трапеции, сшитая с боков.

№ 7260-7а. Белые эластичные перчатки, без украшений.

№ 7260-8. Шапочка белая, высокая, в форме усеченного конуса.

№ 7260-9. Белые эластичные перчатки без украшений.

Коллекция № 7294 выполнена заместителем главного редактора журнала «Радуга» Мерешковым Султаном Алаудиновичем в г. Назрани и подарена МАЭ РАН в 2003 г.

№ 7294-1а. Деревянный чиж.

№ 7294-1б. Деревянный чиж.

№ 7294-2а. Деревянный брусок, сточенный по краям.

№ 7294-2б. Деревянная палка — бита.

№ 7294-3а. Деревянный волчок.

№ 7294-3б. Кожаный кнут с деревянной ручкой.

№ 7294-4 а, б. Деревянный брусок с продольными и поперечными полосами.

№ 7294-5. Игрушка — пути шайтана из двух плоских овальных деревяшек с двумя отверстиями на конце, соединенных кожаным ремешком.

№ 7294-6 а, б, в, г, д. Камешки игровые 2–3 см в диаметре.

Коллекция одежды № 7319 сшита заслуженным работником культуры Республики Ингушетия, ветераном педагогического труда Дударовой Айшет Магомедовной в июне-августе 2006 г. Комплект одежды экспонировался на выставке «Кавказский словарь: земля и люди» в Большом дворце Государственного музея-заповедника «Царицыно» с 19 июня по 14 октября 2012 г.

№ 7319-1. Платье женское верхнее, покроя черкески (*чокхи*), из бордовой однотонной искусственной ткани.

Платье распашное, отрезное по линии талии, без воротника. Лиф заужен к талии при помощи вытачек на спинке. Рукава вшивные прямые неширокие, сшиты примерно до локтя, ниже — слегка расширяющиеся и откидные в виде лопастей. Юбка расклеванная, из четырех одинаковых клиньев, скроенных по косой; пришита к лифу без сборки. Платье застегивается спереди на талии, встык на одну застежку «крючок и петля» (последняя фабричного производства), таким образом, на груди получается глубокий треугольный «вырез» до талии.

Края платья (вырез горловины на спинке, обе полы, подол, низ и незашитые части рукавов) обшиты золотистым шнуром. Низ и незашитые части рукавов, полы и подол платья, кроме шнура, украшены золотистыми блестками и галунами.

№ 7319-2. Платье женское нижнее из белой плотной синтетической ткани.

Платье нераспашное, отрезное по линии талии. Лиф почти прямой (половина окружности талии чуть уже ширины плеч). Передняя часть лифа цельнокроеная, спинка — из двух половинок, шов между ними посередине спины сделан только на две трети длины от талии до горловины, далее вверх — «разрез» до выреза горловины.

Платье сшито без воротника. Круглый вырез горловины обработан узкой полоской из такой же ткани, скроенной по косой. Платье застегивается сзади у горловины наглухо на одну застежку — крючок (фабричного производства) и петля (сделана из

Рис. 4. Комплект женской праздничной одежды на выставке «Кавказский словарь: земля и люди» в Большом дворце Государственного музея-заповедника «Царицыно». Фото Е.Л. Капустиной. 2012 г.

ниток вручную). Рукава вшивные, сильно сужающиеся к манжетам. Юбка слегка расклешенная за счет расширяющихся книзу полотнищ; заднее состоит из двух одинаковых клиньев, переднее цельнокроеное (в два раза больше каждого из клиньев сзади). Юбка пришита к лифу без сборки. Края рукавов обшиты белой кружевной тесьмой с золотистой нитью.

№ 7319-3. Юбка женская нижняя из белого ситца. Юбка расклешена за счет расширяющихся книзу полотнищ: заднее состоит из двух одинаковых клиньев, скроенных по косой, переднее цельное (в два раза больше каждого из клиньев сзади), скроено по долевой нити. Пояс узкий из белой плотной синтетической ткани. Юбка пришита к поясу с легкой сборкой, застегивается сзади наглухо на одну пуговицу, петля прорезная. Подол окантован узкой полоской белого шитья.

№ 7319-4. Нагрудник женский из белой плотной синтетической ткани с подкладкой из белого ситца.

Нагрудник имеет форму высокой перевернутой трапеции, сверху переходит на плечи и частично спину, где застегивается у основания шеи на одну застежку «крючок и петля». Воротничок-стойка спереди украшен белой фигурной тесьмой с золотистым шнуром. Основная часть нагрудника декорирована четырнадцатью парными застегивающимися металлическими пластинами (т.е. 7 двойных «планок»). Специальные петли (по две на каждой из 14 пластин) насквозь продеты через нагрудник и закреплены с изнанки шнуром. Низ нагрудника обшит узкой полоской из той же ткани, из которой сшит нагрудник, справа и слева оставлены длинные концы этой полосы ткани, служащие завязками, для закрепления нагрудника на талии.

Нагрудник служит украшением, полностью закрывающим глубокий вырез верхнего платья, под борта которого закладываются края нагрудника.

№ 7319-5. Женский металлический пояс, составлен из десяти металлических пластинок прямоугольной формы, соединенных между собой шарнирами. Шарниры, соединяющие вторую пластину с соседними, скреплены между собой цепочкой.

Пряжка состоит из трех частей: средней круглой, прикрывающей крючок для застегивания, и двух боковых фигурных пластинок, соединенных с поясом шарнирами. Круглая часть пряжки припаяна к одной из боковых.

Застежка «крючок-петля» массивная металлическая, части застежки припаяны к боковым пластинам пряжки с «изнаночной» стороны.

На всех пластинах выпуклый комбинированный декор из геометрических (S-образный элемент, ряды точек) и растительных (цветы) элементов.

Центральная часть пряжки в форме полусферы, полая, с ажурным и рельефным комбинированным декором из геометрических (точки, круги — отверстия) и растительного (цветок) элементов. В центре средней части пряжки — небольшая красная граненая бусина, все остальные дополнительные элементы декора пояса и пряжки из металла.

Сверху и снизу к пластинам припаяны металлические «завитки», таким образом создан ажурный край. На пластинах собственно пояса должно быть по пять «завитков» сверху и снизу, на боковых пластинах пряжки — по восемь, однако некоторые утеряны, некоторые сломаны.

Все пластины, кроме одной из боковых частей пряжки (пластина, к которой с изнаночной стороны припаяна петля (часть застежки), пронумерованы. Цифры выгравированы на «изнаночной» стороне, очевидно, вручную.

№ 7319-6. Шапочка женская, высокая, в форме усеченного конуса.

Картонный каркас (и тулья, и дно) обтянут снаружи креп-сатином бордового цвета (та же ткань, из которой сшито платье № 7319-1), подкладка из белой тонкой синтетической ткани. Перед тульи декорирован аппликацией из вышивки и бисера золотистого цвета.

№ 7319-7. Куклы сувенирные в ингушской праздничной одежде, переданы в дар МАЭ РАН директором школы «Марьям» г. Магаса Республики Ингушетия Плиевой Алисой Абукарвной в 2006 г.

Куклы сувенирные, закрепленные на деревянную подставку.

Кукла в мужском костюме.

Голова, кисти рук и, возможно, туловище сделаны из глины, руки — из прорезанной сквозь туловище толстой проволоки, ноги — из дерева. На голове рельефно обозначены глаза, нос, уши, черной и белой красками нарисованы глаза, темно-коричневой — брови и усы, волосы, на верхних веках — светло-коричневые полосы. На кистях рук прорезями обозначены пальцы (по четыре). Кукла «стоит», правая рука опущена, левая согнута в локте и «вынесена» вперед. Бешмет сымитирован длиннополым нагрудником с воротником-стойкой из белой ткани и нарукавниками (т.е. деталями, «выглядывающими» из-под черкески); черкеска из черной синтетической ткани с газырницами, незашитыми внизу (с каждой стороны по четыре), узкая полоса черной искусственной кожи с аппликацией из серых квадратов и прямоугольников имитирует наборный пояс с серебряными накладками; черные короткие штаны заправлены в высокие прямые черные сапоги; головной убор — папаха с околышем из темно-коричневого искусственного меха и плоским доньшком из белой ткани; башлык из черной ткани, собственно капюшон украшен кисточкой из черных ниток.

Кукла в женском костюме.

Голова и туловище сделаны из глины, руки — из толстой проволоки, прорезанной сквозь туловище и обтянутой красным велюром. Ног нет, туловище укреплено на высокой, круглой в сечении черной подставке, также обтянутой красным велюром. На голове рельефно обозначены глаза, нос, рот, черной и белой красками нарисованы глаза и ресницы, темно-коричневой — брови, темно-красной — губы, на верхних веках — светло-красные полосы. Волосы сделаны из коричневых блестящих ниток, сзади под головным убором разделены на пробор и заплетены в длинные (значительно ниже талии) косы, закрепленные тонким золотистым шнуром.

Нижнее платье из белой синтетической ткани, длинное (до подставки) с длинными (почти до подола) сильно расширяющимися книзу рукавами; верхнее распашное платье покроя черкески, сшито из красного велюра, подкладка — из черной синтетической ткани, рукава-лопасти и перед декорированы аппликацией из блестящей ткани и золотистого шнура, по краям платье обшито узкой золотистой тесьмой.

Коллекция № 7386 сшита и передана в дар МАЭ художником модельером, заслуженным деятелем искусств Республики Ингушетия Оскановой-Инаркиевой Зиной Абоевной в 2010 г.

№ 7386-1. Верхнее распашное платье, отрезное по талии, с расклешенной юбкой и длинными расширенными и закругленными книзу рукавами. Все платье по краю оторочено золотистой тесьмой. Перед платья украшен аппликацией.

№ 7386-2. Платье нательное с декоративным нагрудником из светло-бежевого шелка, подол по центру украшен вышивкой. На плечи приклеена декоративная вставка из бордовой ткани, имитирующая нагрудник. Рукава зауженные, на замочке, украшены кружевной аппликацией.

№ 7386-3. Шапочка в виде конуса из бордового бархата, с золотистой аппликацией спереди.

№ 7386-4. Сумочка из бордового бархата, с ручкой из золотистой тесьмы.

№ 7386-5. Матерчатый пояс с декоративной пряжкой, золотого цвета, из декоративного кружева, пришит к льняной ткани, украшенный декоратив-

Рис. 5. Кукла сувенирная.
Фото Р.А. Джалил-Ходжа. 2014 г.

ной металлической застежкой, пришитой посередине ткани.

№ 7386-6. Белый шарф прямоугольной формы.

№ 7386-7 а, б. Завязки для колыбели, украшенные батистовой тесьмой, изготовленные Таркоевой-Мерешковой Марет Суламбековной.

№ 7538-1. Коврик для намаза, детский. Ингушетия, Назрань. Начало XXI в. Передан в дар МАЭ художницей-ковровщицей Тангиевой Розой Товсултановной.

Прямоугольный детский коврик. В центре серого ковра имеется геометрический орнамент фиолетового цвета. Край ковра украшен растительным орнаментом бордового, фиолетового и серого цветов. Наружный кант зеленого цвета.

№ 7539-1. Кукла сувенирная. Ингушетия, Назрань. Начало XXI в. Поступила в дар МАЭ от художника-модельера, заслуженного деятеля искусств Республики Ингушетия Оскановой-Инаркиевой Зины Абовны.

Девушка в старинном головном уборе «Кур-харс» и традиционном девичьем ингушском костюме.

Этими предметами исчерпываются ингушские предметные коллекции МАЭ РАН.

Безусловно, наиболее интересными коллекциями по этнографии ингушей располагает другой петербургский музей — Российский этнографический музей, один из старейших музеев страны, основанный в 1902 г. при Русском музее императора Александра III как отдельный Этнографический отдел, позднее выделенный в первый в России этнографический музей [<https://ru.wikipedia.org>].

Музей располагает также богатой коллекцией фотографий и негативов. В нем открыты экспозиции, демонстрирующие традиционную культуру народов России, где на постоянной экспозиции народов Кавказа представлена и ингушская коллекция. К великому сожалению, ингушская экспозиция Российского этнографического музея не отражает образ ингушской женщины рассматриваемого периода, создавая искаженное представление о национальной одежде, так как не включает полный комплект ни повседневной, ни парадно-выходной одежды. Это связано с тем, что в РЭМ имеют место соответствующие тематические лакуны, экспозиция же собиралась из имеющихся в музее предметов. В связи с этим обратимся к истории сбора ингушских предметных коллекций в Российском этнографическом музее.

Первые экспонаты, касающиеся материальной культуры ингушского народа, были собраны в 1908 г. студентом медицинского факультета Московского университета Михаилом Зандукели. Инициатива по привлечению студентов из числа народов Кавказа к сбору коллекций принадлежала К.А. Иностранцеву. При создании Этнографического отдела Русского музея К.А. Иностранцев был назначен хранителем фонда и курировал целый ряд направлений, в данном случае по изучению культуры народов Востока, Поволжья (кроме финно-угорских народов), Кавказа, Средней Азии и зарубежных стран. Важнейшим методом пополнения коллекций был экспедиционный. Для работы в поле К.А. Иностранцев привлекал людей, знавших регион и достаточно хорошо ориентировавшихся в местном обществе, даже если они и были далеки от этнографии. В частности, благодаря трудам Михаила Зандукели была собрана вещевая коллекция № 1428, состоящая из 21 предмета, в основном одежды. Эта коллекция положила начало формированию ингушских предметов в РЭМ. К великому сожалению, в последующие 30 лет ингушские коллекции музея не пополнялись.

Однако с появлением в Государственном музее этнографии (ныне — Российском этнографическом музее) Е.Н. Студенецкой, профессионального этнографа, воспитанного в традициях гуманитарной науки начала века, произошел значительный прорыв в этом направлении. Е.Н. Студенецкая отдала много сил и энергии для комплектования кавказских коллекций ГМЭ. Можно без преувеличения сказать, что вне Кавказа самое богатое собрание предметов быта и культуры народов, населяющих этот регион, принадлежат ГМЭ, и в этом огромная заслуга Е.Н. Студенецкой, которая из своих ежегодных экспедиционных поездок привозила богатый и разнообразный вещевой материал [Страницы кавказоведения 1992: 163]. Сферой преимущественных интересов Е.Н. Студенецкой было изучение этнографии народов Северного Кавказа, а в области исследования музейных коллекций — изучение национального костюма. С этими направлениями связаны и самые интересные ее приобретения для коллекционного собрания музея в первой половине 1930-х годов.

Так, в 1939 г. Е.Н. Студенецкая и Л.Ф. Виноградова совершили экспедиционную поездку в Чечено-Ингушетию, позволившую им собрать коллекции предметов материальной культуры ингушей и чеченцев, которые легли в основу вновь созданной экспозиции ГМЭ по народам СССР. Наряду с научно-исследовательской исследователи проводили большую культурно-просветительскую и научно-популяризаторскую работу. «Они принимали участие в развертывании на местах работы научно-исследовательских учреждений (НИИ, научных обществ музеев); выделяли для их фондов часть собранных в ходе экспедиции материалов, наместили меры по учету и охране памятников материальной и духовной культуры; выступали с докладами и сообщениями на конференциях, совещаниях, а также перед населением и в средствах массовой информации; консультировали местных краеведов и работников заинтересованных учреждений и организаций по научным, методическим и организационным вопросам.

Членам экспедиции приходилось работать в нелегких полевых и климатических условиях, испытывая материальные и финансовые затруднения. Власть и население Чечни и Ингушетии по мере своих возможностей оказывали помощь и поддержку экспедициям в проведении исследований.

Таким образом, деятельность научных экспедиций музеев страны в 1930-е гг. в Чечне и Ингушетии имела огромное научное и практическое значение. Своей подвижнической деятельностью они внесли значительный вклад в дело изучения материальной и духовной культуры чеченцев и ингушей и явились базой для развертывания здесь дальнейших фундаментальных научных исследований» [Исаева 2006: 68].

Рис. 6. Старинный женский головной убор кур-харс [Каменная летопись страны вайнахов 1994: 173]

В результате проделанной работы Е.Н. Студенецкая и Л.Ф. Виноградова привезли из Чечено-Ингушетии коллекцию № 6191, состоящую из 15 предметов, десять из которых привезены из Ингушетии, пять — из Чечни. Эти предметы народного искусства и вещи из наземных склепов, из которых наибольший интерес представляет старинный женский головной убор *курхырс* (Кур-харс). Главным недостатком этой коллекции является отсутствие орудий труда, утвари и обстановки жилища и т.п. [Народы Кавказа 1981: 24].

Третья, последняя коллекция № 12 931, состоящая из комплекта мужской верхней одежды (куртки и брюк), была подарена автором статьи Российскому этнографическому музею в 2011 г.

Коллекции, собранные в Российском этнографическом музее по

ингушскому народу, хотя и немногочисленны, но вместе с тем не лишены историко-культурной ценности. Как известно, только те вещи, которые получили признание своей ценности еще в процессе предварительной оценки специалистом, могут стать музейными предметами, которые являются свидетельствами объективной реальности, обладающей документальной, культурной и информационной ценностью. В музее главным становится не функциональное значение предмета, а его общественное значение как памятника истории и культуры [Краснокутская 2011: 17].

Далее более подробно рассмотрим имеющиеся в Российском этнографическом музее ингушские коллекции, которые за более чем вековой период не привлекали внимание исследователей.

Коллекция № 1428, состоящая из 21 предмета, привезена в 1908 г. М. Зандукели и зарегистрирована А. Рогозиной 12 февраля 1909 г.

№ 1428-1. Чуоха (*чоххи*)² — камзол, верхняя женская одежда. Наружная часть сшита из зеленовато-коричневого шелка, подкладка серого ситца, между двумя тканями проложена тонкая вата. Спереди полностью раскрыта и застегивается в талии на две пары крючков и петель. Рукава распашного платья узкие, длинные, чуть ниже колена. Ворот, передние полы, подол, рукава и боковые швы обшиты серебряным галуном.

№ 1428-2. Чуоха (*чоххи*) — камзол женский, короткий, ниже колен. Спинка прямая, отрезная до пояса, из синей гладкой бумажной ткани. Передние полы отрезные до пояса, из тонкой зеленой шелковой ткани. Нижняя часть камзола — перед и бока из зеленой шелковой ткани, собранной сборками и пришитыми у пояса. Подкладка из темно-пестрого ситца. Имеется застежка у талии на две пары крючков и петель. Рукава длинные, узкие, у кисти верхняя часть спускается закругленным фестомом на пальцы. Рукав вокруг оторочен красным кумачом. Длина рукава ниже колен.

№ 1428-3. Рубашка женская длинная, прямая, цельная из ярко-желтой полосатой тонкой бумажной ткани; ворот высокий; внизу подшито оплечье из темного пестрого ситца; прямой разрез спереди застегивается на черную стеклянную пуговку и петлю из черного шнура; рукава с ластовицей из пестрого ситца, длинные прямые, узкие; длина ниже колен.

№ 1428-4. Хечи (*хачи*) — панталоны женские, длинные, прямые. Верхняя часть из красного ситца, нижняя — из красного кашемира. Внизу заложены складочками, пришитыми на обшивку из черной бумажной ткани. Застегиваются на щиколотке на пуговку и петлю, у пояса сдергивается шнурком.

№ 1428-5 а, б. Мипцеш (*маьчеш*) — башмаки женские из черной шагреновой кожи³, короткие. У щиколотки и верхнего края обшиты мишурным шнурочком.

№ 1428-6 а, б. Мипцеш (*маьчеш*) — башмаки женские из одного куска черной шагреновой кожи. Наружный край башмаков оторочен красным сафьяном.

№ 1428-7. Маш (*машилг*) — платок на голову, черный, шерстяной, фабричного производства. Изделия с каймой и бахромой того же цвета. Размер 83×78 см.

² Далее в тексте в круглых скобках будет указано точное этническое название предмета, так как в описи они неверные.

³ Шагреновая кожа (материал), или шагрень (фр. chagrin) — мягкая шероховатая кожа (козлиная, баранья, конская).

№ 1428-8. Техкур (*кхалнаьха тIехкар*) — пояс женский. Передняя половина серебряная, украшена вызолочной пластинкой филигранной работы со вставками бирюзы шириной в 3 см. На спине пояс сшит их сложенной рядами синей бумажной ткани, продетой через ушки на внутренней стороне серебряной части.

№ 1428-9 а, б. Лоргитхчаугш (*гIалкхаиш*) — серьги из серебряной проволоки. (Исключены из коллекции.)

№ 1428-10. Камзол женский (*кхаланаьха гIовтал*), длинный, из ярко-красной бумажной узорной ткани фабричного производства. Покрой: лиф отрезной на подкладке коричневого ситца, охватывает талию; перед гладкий; на груди вырез треугольником обшит полоской черной гладкой бумажной ткани; застегивается у талии пятью парами крючков и петель; сверху нашиты пять выпуклых бронзовых пуговиц; нижняя часть камзола сзади и с боков заложена глубокими складками, расходящимися книзу; рукава длинные, прямые, узкие, у кисти обшиты полосой зеленой полушерстяной ткани; длина ниже колен.

№ 1428-11. Чухо (*коч*) — платье женское, будничное, из синего ситца с пестрыми цветами. Покрой: лиф отрезной на подкладке из серого ситца, гладкий, прямой, бока обхватывают талию; на груди глубокий вырез треугольником до пояса; застежка на крючке и петле у пояса сбоку; юбка сбоку и сзади собрана сборками, спереди заложена складками; рукава длинные, узкие, прямые; длина ниже колена.

№ 1428-12. Коч — рубашка старухи из темно-синего ситца; длинная, прямая, цельная; высокий ворот и прямой разрез на груди подшиты красным ситцем; рукава длинные, прямые, узкие, длина ниже колен.

№ 1428-13. Кей (*кий*) — папаха мужская, высокая; дно выпуклое, из белого сукна, широкий овал из бараньего меха светло-коричневого цвета; подкладка — черный сафьян; общая высота 27 см.

№ 1428-14. Чиха (*маIача няха чокхи*) — черкеска мужская из домашнего недубленного сукна; верхняя часть на подкладке из голубой гладкой бумажной ткани фабричного производства. Покрой: спина отрезная до пояса, прямая, гладкая; передние полы цельные прямые; бока охватывают талию; с боков ниже пояса вшиты клинья с прорезями для карманов; на груди вырез треугольником до пояса; внутри пришит узкий пояс из плотной тесьмы; застегивается на крючок и петлю; застежка снаружи двойным рядом маленьких пуговиц, свернутых из белого шелкового шнура, на такие же петли; рукава длинные, прямые широкие; на груди по обеим сторонам нашиты из того же сукна гнезда (газыри) для 2–17 «бустмышей» (*бустаиш*) — трубочек, выточенных из дерева (длина 11, обхват 5,5 см, нижний конец выкрашен черной краской, верхний украшен серебряным наконечником с чернью); длина ниже колен.

№ 1428-15. Оту (*орхалук*) — кафтан мужской из плотной фабричной шерстяной ткани темно-синего цвета; подкладка из синего ситца с белыми точками. Покрой: спина цельная, прямая, бока охватывают талию; ниже пояса вшиты клинья; передние полы цельные, прямые; на груди с обеих сторон нашиты карманы; прямой отложной воротник; застежка спереди от ворота до пояса из маленькой пуговицы, свернутой из черного шелкового шнура, и такой же петли; рукава длинные, прямые, узкие; длина до колен.

№ 1428-16. Хечи (*хачи*) — штаны мужские из домашнего сукна коричневого цвета. Прямые, гладкие, без разрезов; сверху пришита широкая обшивка из

черной плотной фабричной бумажной ткани с пояском, плетеным из тонкой шелковой нити малинового цвета, с такими же кисточками на концах.

№ 1428-17 а, б. Безгем-мечиш (*маIачняха мячеш*) — башмаки мужские, черные, из черной шагреновой кожи, короткие; след из одного куска; верхняя часть пришита; длина 19 см.

№ 1428-18 а, б. Безгем-мечиш (*маIачняха мячеш*) — башмаки мужские, черные, из черной шагреновой кожи. (Исключены из коллекции.)

№ 1428-19 а, б. Безгем-мечиш (*маIачняха мячеш*) — башмаки мужские, мягкие, сшиты из одного куска черной шагреновой кожи.

№ 1428-20. Техкир (*тIехкар*) — пояс мужской из узкого ремня черной кожи; пряжка и набор стальные, украшен инкрустацией из олова; сбоку подвешена на узких ремешках стальная плоская четырехугольная коробочка для хранения жира с выпуклой, украшенной инкрустацией оловом крышкой на пружине.

№ 1428-21 а, б. Шалта — кинжал в ножнах: а) клинок стальной, обоюдоострый; посередине двусторонний глубокий желобок; на верхней части клинка грузинская надпись; рукоятка обложена костью — на тыльной стороне — черного, с наружной — белого цвета, оправленной кавказским серебром с чернью; б) ножны деревянные, обтянуты черной шагреновой кожей; сверху и внизу оправлены кавказским серебром с чернью.

Отдельные наиболее интересные предметы коллекционной описи № 1428, имеющие наибольшую этнографическую и историческую ценность, мы выделили и прокомментировали. К их числу можно отнести камзолы № 1428-1, 2, 10. Нужно отметить, что в кавказском варианте камзол называют бешметом (инг. *гIовтал*). Для холодного времени года бешметы шили из плотных шерстяных тканей, утепляя их шерстью или ватой, которые затем простегивали, создавая симметричные узоры или орнаменты. Верхняя часть была сшита по фигуре, со скошенными бортами, открытой грудью, без воротника, с застежкой на поясе. Нижняя часть отрезная по талии, спереди лежала гладко, а на спине пришивалась в сборку. Рукава длиной до кисти (изредка и короче), с небольшим разрезом книзу, обшивались галуном. Бешметы шили короче рубахи или вровень с ней [Чахкиев, Абдулвахובהва 1992: 9]. Девушкам не полагалось носить теплую одежду, ее надевали только замужние женщины. Богатые женщины шили гIовтал из бархата, плотного шелка и даже подбивали мехом [Студенецкая 1985: 64]. Эта одежда была распространена повсеместно на Кавказе вплоть до 30–40-х годов XX в., пока ей на смену не пришло фабричное пальто.

Также следует отметить уникальность женских штанов № 1428-4, благодаря которым можно было различить статус женщин. По сведениям Ю. Клапрота, «замужние ингушки носят штаны красного цвета, вдовы и старые женщины — голубого, а девушки — белые; все они в том месте, где касаются лодыжек, великолепно пестро прошиты и обшиты черной каймой» [Клапрот 2001: 375]. Исходя из вышеизложенных сведений, видимо, панталоны принадлежали замужней женщине. В современном ингушском обществе отсутствуют представления о бытовании в прошлом подобных особенностей декорирования элементов женской одежды.

Особо хочется отметить мужской пояс с подвеской, использовавшейся не как предмет декоративной отделки пояса, но имевшей функциональное значение. Подобные пояса были распространены во второй половине XIX —

начале XX в. Неподпоясанному мужчине неприлично было выйти на улицу, показаться старику или человеку, бывшему статусом выше его. Не носили пояса очень глубокие старики и мальчишки. И только во время траура мужчина мог ходить распоясанным [Гарасаев 2009: 34]. Е.Н. Студенецкая отмечала, что функциональное назначение пояса было достаточно широким: «К поясу подвешивали различные предметы, необходимые мужчине в дороге, на охоте. Это были сальник или жирница — прямоугольная металлическая коробочка с салом для смазывания оружия; отвертка сложной формы для разбора огнестрельного оружия, служившая иногда и кресалом; брусок для точки кинжала или ножа; пультница; кожаный походный стакан; мешочек, в котором лежали кремь, трут, кресало и др. Пастух мог повесить на пояс мешочек с разной мелочью для лечения скота. Одним словом, пояс заменял карманы» [Студенецкая 1989: 94]. Серебряные пояса бытовали у всех народов Северного Кавказа. Однако, по справедливому замечанию Е.Н. Студенецкой, «они весьма трудны для этнографического изучения и менее всего могут считаться показателем национального своеобразия». Изготавливались пояса мастерами-ювелирами (часто кубачинцами, лакцами, армянами) и, конечно, как ценный и нужный предмет могли быть проданы человеку любой национальности [Студенецкая 1989: 35].

Остальные предметы коллекции представляют определенную историческую ценность, но не требуют детализации. В коллекционной описи № 1428 названия всех предметов искажены ввиду незнания собирателями ингушского языка. Также существенным недостатком музейной описи является отсутствие точного места сбора, указывается лишь Терская область. Возможно, если бы М. Зандукели был профессиональным этнографом, ему удалось бы избежать этих недостатков. Все обнаруженные нами неточности в описи, составленной М. Зандукели, безусловно, ничуть не умоляют его заслуг перед наукой.

Коллекция № 6191 была собрана на средства Государственного музея этнографии во время экспедиции 1939 г. в Чечено-Ингушскую АССР Е.Н. Студенецкой и Л.Ф. Виноградовой. Значительная часть предметов, привезенных из экспедиционной поездки, относится к одежде. После поступления в фонды музея коллекция была зарегистрирована Л.Ф. Виноградовой 6 октября 1939 г. и тщательно изучена Е.Н. Студенецкой.

В дальнейшей ее научной работе особое место стало занимать изучение одежды народов Кавказа, завершившееся подготовкой монографии «Одежда народов Северного Кавказа. Конец XVIII — начало XX в.» (М., 1989). Эта книга и ряд предшествовавших ей статей позволяют очертить принципы описания и исследования народного костюма, принятые и разработанные исследователем. В основу ее работы были положены и коллекционные предметы, привезенные из Ингушетии. Как справедливо отмечает ученик Е.Н. Студенецкой д.и.н. В.А. Дмитриев, ей «удалось выделить особенности ингушского и чеченского женского костюма» [Дмитриев 2010: 18].

В статье мы рассмотрим только предметы, привезенные из ингушских районов ЧИАССР, поэтому первые четыре предмета не вошли в перечень и описание начинается с № 5.

№ 6191-5. Войлок узорный вырезной, сделан из войлока трех цветов: оранжевого, коричневого и черного. В местах соединения войлока разных цветов проложена белая бумажная тесьма. Орнамент стилизованный, растительный. Среднее поле ковра разбито на три квадрата с шитым и повторяющимся

во всех квадратах узором черного цвета на оранжевом фоне, и оранжевого — на черном фоне. По бортам кайма с узором. На всех четырех углах на черном фоне повторяющийся узор оранжевого цвета. Употребляется как стеной ковер. Размер 2,62×1,67 м.

Селение Лейми. Галашкинский р-н ЧИАССР.

№ 6191-6. «Талсыш» (*талсаж*) — переметные сумы узорного тканья, шерстяные, пестрые, цвета — красный, желтый и черный, сшиты из трех полос. В местах соединения проложена черная бумажная материя. Длина 1,10 м, ширина 0,36 м. По краям обе сумы обшиты бумажной полосой черного цвета шириной 6,5 см. Прорез для подвешивания сумы также обшит черной бумажной материей. Петли для застегивания из шнура зеленого цвета с двумя медными круглыми пуговицами.

Селение Эгикал. Галашкинский р-н ЧИАССР.

№ 6191-7. «Говра тормиг» (*говра тIормиг*) — торба для кормления лошади, размер 30×28 см. Сшита из шерстяных полос узорного тканья. На швах проложена белая бумажная тесьма, верх обшит бумажной материей защитного цвета, из-под которой выпущены в виде зубчиков кусочки белой материи. Узор тканья геометрический, цвета — оранжевый, фиолетовый и черный. Наверху под обшивкой изнутри пришито кожаное ушко, в которое продернута шерстяная плетеная желтая с черным тесьма, оканчивающаяся кистью из шерстяных нитей розового цвета с желтым. Подарок невесты жениху.

Селение Эгикал. Галашкинский р-н ЧИАССР.

№ 6191-8. Шаль белая шелковая плетеная, с бахромой из шелковых нитей, осетинской работы. Размер 2, 15×2,00 м, длина каймы 0,25 м. На одном из углов по плетению вышит узор белым шелком. Носится девушками в праздничные дни.

Селение Эгикал. Галашкинский р-н ЧИАССР.

№ 6191-9. «Дечик-Пандур» (*дахчин пандар*) — музыкальный трехструнный щипковый инструмент, долбленный из дерева. Верхняя дека прикреплена к корпусу гвоздями. Корпус в форме челнока, длина 0,44 м, длина грифа 0,36 м, длина струн регулируется при помощи колков. На верхней деке выпилено одно треугольное отверстие и выжжено несколько круглых. На нижней стороне надпись: с. Эгикал, 12.08.39 г. Аушев М.Д. Работа колхозника.

Селение Эгикал. Галашкинский р-н ЧИАССР.

№ 6191-10. «Дечик-Пандур» (*дахчин пандар*) — балалайка. Музыкальный трехструнный щипковый инструмент, деревянный. Нижняя сторона корпуса окрашена в коричневый цвет, верхняя — в желтый. Длина корпуса 46 см, длина грифа 42 см. Длина струн регулируется при помощи колков с белыми наконечниками. На верхней деке одно круглое отверстие. Инструмент фабричной работы, реконструированный.

Город Грозный. (Исключен из коллекции.)

Вещи из наземных склепов селения Таргим и Эгикал, Галашкинский район ЧИАССР.

№ 6191-11. «Курхыр» (*кур-харс*) — старинный женский головной убор в форме рога с отогнутым верхним концом, на твердой основе, обшит красным сукном. У нижнего края видна порванная и плохо сохранившаяся подкладка из набойки и шелка (полоска длиной 0,54 м). Селение Таргим, Галашкинский р-н ЧИАССР.

№ 6191-12. Кукла самодельная из тряпок, наверхенных на палку. Вместо лица синими, белыми и красными нитками вышиты ромбовидные фигуры. Тряпки загрязненные, порванные. Общая длина куклы 0,37 м.

Селение Эгикал, Галашкинский р-н ЧИАССР.

№ 6191-13. Гребень деревянный двухсторонний. С одной стороны редкий, с другой — частый. Размер 7,5–8 см.

Селение Эгикал, Галашкинский район ЧИАССР.

№ 6191-14. Маленький мешочек из полосатой бумажной материи блеклых голубоватых тонов, на холщовой подкладке на вздержке из красного шнура. Размер 12×9 см.

Селение Эгикал, Галашкинский р-н ЧИАССР.

№ 6191-15. Ножницы маленькие железные заржавленные. Размер 12 см. (Исключены из коллекции.)

Селение Эгикал, Галашкинский р-н ЧИАССР.

Как и в предыдущей коллекции, не все предметы имеют правильное написание этнического названия, что связано с упомянутыми причинами.

Из всех предметов рассматриваемого коллекционного собрания наибольший исследовательский интерес представляет традиционный женский головной убор *кур-харс*, который встречался в ингушских захоронениях начиная с XVI в. Упоминания о нем встречаются и в донесениях русских послов XVII в., проходивших в Грузию через земли ингушей: «А ходят мужики по черкаски, а жонки носят на головах что роги вверх в поларшина» [Полиевтков 1937: 251]. Впервые обнаружил этот головной убор в наземных склепах Л.П. Семенов, работавший в горной Ингушетии в 1925–1932 гг. Он же дал его описание и выяснил старинное название головного убора — *кур-харс* [Семенов 1963]. Сведения об этом предмете материальной культуры ингушей содержатся и в работе археолога Е.И. Крупнова, который прямо говорит о том, что «подобные женские головные уборы неизвестны в соседних районах, и, очевидно, носились в недавнем прошлом только ингушскими женщинами» [Крупнов 1971: 102].

Позже в ходе археологических исследований 1970–1980-х годов в целом ряде некрополей в верховьях р. Ассы, в долине р. Армхи и ее притоков, в труднодоступном ингушском обществе Цори была собрана целая коллекция кур-харсов, насчитывающая 40 образцов. Эту коллекцию изучали В.Б. Виноградов, Б.Б.-А. Абдулвахובה и Д.Ю. Чахкиев. Согласно устной традиции, женщины-горянки продолжали носить кур-харс во время религиозных праздников до конца XIX в. Незамужние девушки надевали круглую шапочку такого же цвета, но с плоским верхом, которая до сих пор является обязательным атрибутом одежды ингушской невесты [Царова 2010: 48].

Кур-харсы чаще всего имели кожаную, реже войлочную основу, покрытую сукном. Встречались кур-харсы войлочные в основе, но отделанные богатыми тканями (шелком, атласом, парчой). В нижней части убора прикреплялся кусок ткани, который, по-видимому, прикрывал затылок. Сзади и с боков к этой ткани прикреплялись широкие ленты. Узоры на лентах, украшавших кур-харсы, выполнялись часто золотым шитьем. Серебряная бляха на лобной части (которая, по мнению исследователей, символизировала солнце) была совершенно гладкая, реже имела фигурную форму. По предположению авторитетных исследователей (В.Б. Виноградова и др.), первоначально термин кур-харс,

отражающий вайнахо-аланские исторические контакты, мог означать «гребень (или рог) Солнца».

Наличие среди кур-харсов экземпляров, как очень богато оформленных (дорогие привозные ткани, серебряные бляхи, золотое и серебряное шитье, дорогие украшения — осколки перламутра, янтарные бусы, веточки кораллов, раковины и пр.), так и откровенно бедных, покрытых сукном, почти «без излишеств», в какой-то степени отражает социальную стратификацию средневекового ингушского общества.

Исследователи очень осторожны в поисках аналогий этому убору и не склонны прямо сближать его ни с головными уборами, обнаруженными в погребениях II—I тыс. до н.э. (могильники Харачоевский — в Чечне, Нестеровский — в Ингушетии), ни с «рогатыми» головными уборами женщин соседних районов Дагестана, ни с фригийским колпаком античной эпохи [Виноградов, Абдулвахабова, Чахкиев 1985: 107–109]. По их мнению, можно только условно, с большими оговорками ставить вопрос о возможном сходстве и связи кур-харсов и южнорусских *кичек*. Впрочем, полностью не стоит исключать возможность славянского влияния на формирование оригинального типа женского головного убора у предков ингушей, вступивших во взаимные контакты с Древней Русью до эпохи Золотой Орды [Албогачиева, Махмудова 2013: 213].

Третья и последняя коллекция № 12 931 — комплект мужской верхней одежды, состоящий из куртки и брюк был подарен автором статьи Российскому этнографическому музею в 2011 г.

№ 12 931-1. Куртка однобортная, распашная, с застежкой на шести пластмассовых пуговицах зеленого цвета, из них две на вороте. Грудной разрез вертикальный прямой. Спинка сужается книзу, сшита из двух частей с вертикальным швом посередине. Полочки заходят на спинку, под рукавом на длинной вертикальной вытачке. Плечо сшивное. Воротничок выкроен по косой, отложной на стойке, с острыми концами. На куртке три накладных кармана, два боковых и один нагрудный с левой стороны. Пройма выкройная. Рукава втачные, длинные, заложены в складки, завершаются широкими манжетами, внизу суженные в манжетах, которые застегиваются на две маленькие пуговицы из черной пластмассы. На куртке три накладных кармана, внизу два боковых, один нагрудный с левой стороны.

№ 12931-2. Брюки-галифе с широкой верхней частью и узкой, облегающей голени нижней частью. Передний разрез прямой, застегивается на три пуговицы из черной пластмассы, застежка на разрезе глухая. Застежка на поясе на металлическом крючке и клапане, застегивающемся на пуговицу из черной пластмассы. Передняя часть каждой штанины цельная выкройная с V-образным вырезом внизу, от пояса до колена на сатиновой черной подкладке; задняя сшита из двух частей, соединяющий шов под коленом. Штанины обшиты по краю бейкой из черной ткани, к которой пришита штрипка из черной х/б ткани. Шов по бокам штанин двойной, имитирующий лампас. В паху ромбовидная составная вставка. В верхней части штанин у пояса заложены четыре короткие вытачки, по три вытачки сделаны под коленями. Пояс пришивной на светло-серой корсажной ленте, под ним застроченные складки. На поясе семь шлевок. В брюках на бедрах около боковых швов два внутренних косых втачных кармана из светло-серой х/б ткани и один «часовой» вшив-

Рис. 7. С.Э. Гадаборшев в традиционном мужском костюме.
Фото Р.А. Джалил-Ходжа. 2014 г.

ной карманчик из серой х/б ткани на левой передней половине, под поясом. Края карманов обработаны машинным обметочным швом.

Комплекс мужской верхней одежды сшит из фабричной полушерстяной ткани цвета морской волны, аналогичной армейской штатной ткани, предназначенной для офицерской парадной одежды. Изготовлен в швейной мастерской. Покрой так называемый полувойсковой, т.е. гражданская одежда с элементами воинской. Костюм принадлежал Гадаборшеву Султану Эльмурзиевичу, 1924 г.р., который носил костюм во время ссылки ингушей в Казахстан (1944–1957).

Данный мужской костюм представляет интерес как образец военизированной мужской одежды середины XX в., носившейся на Северном Кавказе в 1940-е годы молодыми людьми, а позднее лицами среднего и старшего возраста. Этническая специфика проявляется в использовании элементов военного и чиновничьего обмундирования сталинского периода, отвечавших стандартам северокавказской традиции в одежде.

Известно, что в 1920–1930-х годах сложился новый комплекс мужской одежды, общий для всех народов Кавказа, но воспринимаемый каждым из них как «национальный». Основу его составляла так называемая «кавказская рубашка». Покрой таких рубашек представлял собой сочетание черт бешмета (высокий стоячий воротник, разрез посередине в верхней части груди, застегивающийся на мелкие пуговицы и петельки из шнурка) и рубахи. В 30-х годах XX в., особенно во второй их половине, на кавказских рубашках появились фабричные пуговицы, прорезные петли, накладные карманы — наблюдалось сближение с гимнастеркой. Традиционные по крою штаны в этот период у многих народов уже вытеснялись галифе, привнесенными на Кавказ после гражданской войны. Галифе заправлялись в сапоги местной формы или покупные русские [Студенецкая 1985: 71]. Этот комплект был удобен для всадника и хорошо сочетался с сапогами и ноговицами, поэтому на Кавказе он быстро приобрел широкую популярность. До сих пор в Ингушетии некоторые представители старшего поколения сохраняют приверженность именно этому типу костюма.

Краткое знакомство с коллекционными собраниями Российского этнографического музея раскрывает интересную и еще малоизученную страницу народной культуры ингушского народа. Коллекция Российского этнографического музея мала, но хочется надеяться, что удастся восполнить имеющиеся пробелы и пополнить музейные фонды новыми предметами. Так, в дар от учителя трудового обучения средней общеобразовательной школы с. Мужичи Айны Мусаевны Аушевой в музей поступило панно, изготовленное в технике ручной вышивки. Возможно, ее примеру последуют и другие жители Ингушетии, небезразличные к пополнению коллекционных собраний музеев страны.

В одном из крупнейших художественных и культурно-исторических музеев мира — Государственном Эрмитаже — также имеется чрезвычайно интересный раритет из Ингушетии, так называемый орел Сулеймана.

Первое письменное упоминание о нем появилось во второй половине XIX в. Первый ингушский этнограф Ч. Ахриев сообщал, что родоначальником Кистинского общества, по народному преданию, был Кист, сын одного знаменитого сирийского владельца из дома Камен. Во время первых крестовых походов он убежал из Сирии в Абхазию, а затем в Грузию, которая в то время была в самом печальном положении от постоянных нападений арабов и турок, так что Кист вынужден был бежать и оттуда в неприступные Кавказские горы. Он поселился в одном из ущелий Северного Кавказа, недалеко от верховьев Терека. Там он основал аул Арзи — слово, в переводе на русский язык означающее «орел» [Ахриев 1875: 54].

«Орел Сулеймана» изготовлен из бронзы, инкрустирован серебром и медью и четко передает пластику орла и его грозный, грациозный вид. Высота статуэтки 38 см, внутри полая, вес 2,5 кг. «Орел Сулеймана» — один из древнейших, точно датированных образцов раннемусульманских бронз. Об этом свидетельствует надпись на груди птицы, на которой четко выбита дата изготовления —

Рис. 8. Орел Сулеймана. Фото О.Д. Оздоева. 2014 г.

189 год хиджры (соответствует 796—797 гг. григорианского календаря) и имя мастера, его изготовившего, — Сулейман.

На протяжении многих веков «Орел Сулеймана» хранился в горном ингушском селении и как символ власти передавался из поколения в поколение старшему члену семьи. Но в 1931 г. он был приобретен Ингушским краеведческим музеем и экспонировался в стенах Ингушского краеведческого музея в г. Орджоникидзе. Позднее, в связи с административно-территориальной реорганизацией устройства региона, — в упомянутом выше Ингушском музее Пригородного района, где он и пробыл до конца 1930-х годов. Осенью 1939 г. этот великолепный памятник арабско-кавказского культурного мира был передан в Государственный Эрмитаж, в отдел Востока, через научного сотрудника Эрмитажа Р. Кисаева [Кисаев 1940]. С тех пор этот предмет является визитной карточкой зала культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа.

Новой находкой обрадовал Государственный музей истории религии. В этом музее мною была выявлена картина профессионального ингушского художника Х.-Б. Ахриева «Громовой памятник».

В центре картины на фоне гористого пейзажа изображена башня в виде пилона, увенчанная выступающим трехъярусным карнизом. На лицевой стороне башни вверху изображение человеческого лица, внизу — аркообразный проход. Внизу рисунка надпись чернилами: «Нагорная Ингушия, Громовой памятник между аулом Ни и Някесте, 29/VII-30 г.»

Рис. 9. «Громовый памятник». Худ. Х.-Б. Ахриев.
ГИМ — Б-325-1. Акварель, 33,2×25,7 см. 29.VII-30

Подпись неразборчива. Но техника работы акварелью, напоминает работы Х.-Б. Ахриева, которые трудно спутать с работами других известных художников. Яркие краски и четкая передача горного пейзажа с изображением поминальных камер вселяли уверенность, что это работа именно этого художника, что и подтвердилось при детальном изучении живописной работы. На акварели изображено сооружение, характерное для Ингушетии доисламского периода. Они возводились для увековечивания памяти умерших, как правило, при дорогах, у родников и в урочищах в виде «чурта» и «селинга». «Чурт» — это высокий каменный четырехгранный столб с нишей для души умершего. «Селинг» — каменный миниатюрный домик с двускатной крышей. Его фасад имел ниши для размещения свечей. «Селенги» являлись фамильными святынями, у которых ежегодно справлялись праздники всей фамилии [Крупнов 1971: 232].

Для работ Х.-Б. Ахриева характерно то, что он акцентировал внимание не только на исторических событиях того времени, реальным участником которых был, но и делал наброски разрушенных башенных построек, склепов, археологических предметов. Хранящееся в ГМИР полотно Ахриева, бесспорно, представляет бесценный художественный, исторический и этнографический материал, детально фиксирующий древнейшие ингушские памятники материальной и духовной культуры [Акиева 2013: 393].

В коллекции Государственного музея истории религии также имеются мужской и женский головные уборы и четки, подаренные музею автором статьи в 2007 г.

КП-49685; М-10063-VII. «Кий» — мужской головной убор. Начало XXI в. Ингушетия. Круглая шапочка до ушей. Основная часть из темно-зеленого бар-

хата, на макушке в сборку, пришита к донцу черного шелка диаметром 8 см. По краю шапочки полоса такого же шелка с треугольными фестонами. Все части прошиты зеленой нитью швом оверлок. К донцу в центре пришита низка золотистых бус, которая на конце расходится на три низки черно-зеленого стекляруса (общая длина 12,5 см). Подкладка из х/б ткани с набойкой цветочным узором по синему фону.

КП-49686; М-10064-VII. Покрывало головное для паломницы в Мекку. Белого цвета, колоколообразной формы, с отверстием для лица и вышитым очельем. Закрывает голову, шею, плечи. Шов спереди. Очелье — полукруглая вставка, украшена вышивкой в виде плетенки из голубых ломаных линий, в промежутках — мелкая сетка розовой нитью, мелкие пластмассовые стразы.

Четки «сулхъаж» пластмассовые, для счета молитв. Длина 36 см.

В фондово-закупочную комиссию Музея истории религии поступили и ждут своей атрибуции еще два экспоната — ковер и костюм мюрида.

Шерстяной ворсовый ковер ручной работы выполнен Мадиной Хамурзаевной Бориевой в технике узелкового плетения.

Костюм мюрида изготовлен Лейлой Султановной Оздоевой из темно-бирюзовой полусинтетической ткани для выполнения ритуального зикра. Эти два предмета еще не имеют коллекционного номера, но в ближайшее время они будут оформлены соответствующим образом.

К большому сожалению, работа по выявлению в музеях страны новых фотоиллюстративных и вещевых материалов, связанных с культурой ингушского народа, затруднена по многим причинам, но это не должно останавливать исследователей.

Подводя итоги нашей работы, необходимо отметить, что коллекции, собранные в музеях страны, еще ждут своих исследователей. Краткие описи нуждаются в уточнениях, выявленные коллекции полезно было бы опубликовать в виде фотокаталога, а в перспективе издать сводный каталог предметов ингушской культуры в различных музеях страны. Это способствовало бы активизации значительного объема знаний по истории и этнографии ингушского народа, пока не получившего широкого освещения в научных исследованиях.

Библиография

Албогачиева М.С.-Г., Махмудова З.У. Одежда и украшения // Ингуши. М.: Наука, 2013.

Албогачиева М.С.-Г., Плиева З.М.-С. Музейное дело // Ингуши. М.: Наука, 2013.

Асталов В.А. Национальный музей Чеченской республики: история и современность // Материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной 80-летию национального музея Чеченской республики. Грозный, 2006.

Бурков С.Б. Коллекция археологических и этнографических предметов в фондах ИГМК: история обретения и современное состояние // Сборник научных трудов ИнГУ. Вып. 5. Магас, 2007. С.79–92.

Виноградов В.Б., Абдулвахובה Б.Б.-А., Чахкиев Д.Ю. «Солнечный гребень» ингушских женщин. (О парадном головном уборе кур-харс) // СЭ. 1985. № 3.

Горепекин Ф.И. Мага-Ерды. (Языческий бог и покровитель у ингушей) // Терские ведомости. 1909. № 81–86.

Государственный музей истории религии <<http://www.gmir.ru/about/history/>>.

Государственный Эрмитаж <<https://ru.wikipedia.org/wiki/>>.

Дмитриев В.А. Принципы изучения народного костюма в работах Е.Н. Студенецкой. К 100-летию со дня рождения // Лавровский сборник. Материалы XXXIII Среднеазиатско-кавказских чтений 2008–2009 гг. СПб., 2011.

Захаров А.А. Древности из Ассинского ущелья. Орджоникидзе; Грозный, 1934–1935. (ИЧИННИИ. Т. IV. Вып. 2).

Исаева Р.М. Деятельность научных экспедиций музеев страны в Чечне и Ингушетии в 1930-е гг. // Материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной 80-летию национального музея Чеченской республики. Грозный, 2006.

Кисаев В.Н. Бронзовая фигура орла // Сообщения государственного Эрмитажа, 1940. № 1.

Кларрот Ю. Путешествие на Кавказ и Грузию, предпринятое в 1807 и 1808 годах // Архивный вестник. Назрань, 2005. Вып. II.

Краснокутская Л.И. Музееведение: Учеб.-метод. пос. Пятигорск, 2011.

Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.

Крупнов Е.И. Советский музей. 1936а. № 1.

Крупнов Е.И. Северо-Кавказская экспедиция государственного исторического музея 1936 г. // Советская археология. 1936б. № 1. С. 119–122.

Кунсткамера 295 лет. СПб., 2009.

Мастеница Е.Н. Ценности и оценки: проблемы философии и науки // Сб. науч. ст. Вып. 3. Смоленск: Универсум, 2007.

Полиевктов М.А. Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений (1615–1640 гг.). Тбилиси, 1937.

Пономарева И.З. Из истории Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея // Известия Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея. Грозный, 1975. Вып. XI.

Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1924–1932 годах. Грозный, 1963.

Страницы отечественного кавказоведения. М.: Наука, 1992.

Студенецкая Е.Н. Одежда чеченцев и ингушей в XIX–XX вв. // Новое и традиционное в культуре и быту народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985.

Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. М.: Наука, 1989.

Турьинская Х.М. Этнографическое музееведение в России в конце XIX — начале XX в. М.: ИЭА РАН, 2008.

Царова М. Тушоли, последняя богиня — мать Кавказа. Париж, 2010.

Шницерльман В.А. Музей и конструирование социальной памяти: культурологический подход // Этнографическое обозрение. 2010. № 4.

Эльбзудкаева Т.У. Культура Чечни: XX век. Грозный, 2012.

Этнографические коллекции в музеях СССР: Мат-лы к VII Международному конгрессу по этнографическим и антропологическим наукам. М., 1964.